

6. Заиченко, Т. Образование взрослых в пенитенциарной системе в Центральной Азии / Т. Заиченко // Расширение доступа к образованию в учреждениях уголовно-исправительной системы: материалы междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 29 – 30 ноябр. 2012 г. / Гомельск. гос. ун-т. – Гомель: Барк, 2013. – С. 109 – 114.

УДК 343.1

ОБ УСКОРЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПОВЫШЕНИИ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

В.С. Соркин,

ГрГУ имени Я.Купалы, к.ю.н., доцент

А.Г. Клыш,

магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Существование различных процедур разрешения уголовно-правовых конфликтов способствует повышению эффективности уголовного процесса, под которой понимается наиболее высокая степень достижения поставленных перед ним задач.

Ранее изучались вопросы, связанные с понятием и гинезисом альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов. При этом резюмировалось, что разрешение уголовно-правового конфликта предполагает целенаправленную деятельность компетентных органов по его устранению посредством использования правовых норм. При разрешении уголовно-правовых конфликтов используются следующие средства: назначение наказания либо иных мер уголовно-правового характера и применение поощрений [1, с. 14–30].

Представляется целесообразным обратиться к исследованиям Шпака В.В., который весьма обстоятельно изучил упомянутую проблематику. Так, он констатировал, что необходимость обеспечения быстроты уголовного процесса является одной из предпосылок дифференциации уголовно-процессуальной формы [1, с. 32].

Чезаре Беккариа считал, что быстрота уголовного процесса непосредственно и прямо влияет на эффективность применяемого закона: «Чем скорее следует наказание за преступление, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее» [2]. Медлительность отрицательно сказывается на эффективности уголовного процесса.

Среди авторов, так или иначе касавшихся рассматриваемой проблемы, нет единства в оценке значения быстроты уголовного процесса. Большинство ученых считают, что он ведется не ради быстроты и экономичности, а для того, чтобы раскрыть преступление, изобличить и наказать виновных [3, с. 13]. Быстрота и экономичность никак не могут служить задачей или целью уголовного процесса, не могут быть поставлены в один ряд с необходимостью установления всех обстоятельств совершенного деяния. Быстрота и оперативность в деятельности правоохранительных органов важны не сами по себе, а лишь при условии,

что они способны обеспечить успешную борьбу с преступностью при соблюдении законности в процессе расследования и рассмотрения каждого уголовного дела. И наоборот, чем выше общественная опасность совершенного преступления, тем в меньшей степени необходима упрощение и быстрота применяемых процедур, тем больший арсенал процессуальных средств необходимо использовать.

Для правильного понимания быстроты уголовного процесса необходимо рассмотреть ее соотношение с требованием процессуальной экономии. При этом под процессуальной экономией одни процессуалисты понимают необходимость наиболее полного и целесообразного использования установленных законом средств; другие считают, что это понятие должно включать в себя и указания на необходимость установления в самом законе наиболее рациональных процессуальных средств (процедур) достижения задач уголовного процесса; третьи авторы возводят процессуальную экономию в ранг процессуальных принципов [3, с. 14]. На наш взгляд, процессуальная экономия является сугубо оценочной категорией, которую необходимо принимать во внимание в зависимости от конкретных материалов уголовного дела.

Нельзя не согласиться с утверждением, что в уголовно-процессуальном праве требования процессуальной экономии не является самостоятельным принципом, однако имеет такую же силу, как и в любой другой сфере трудовой деятельности. Чем с меньшими затратами труда достигается быстрая и полная раскрытие преступлений, изобличение и привлечение виновных к уголовной ответственности, тем эффективнее (результативнее) следует считать уголовное судопроизводство. Государству не безразлично, каким количеством людей и финансовых затрат, или, иначе говоря, какой ценой, с какими материальными издержками, решаются те или иные вопросы обеспечения законности и борьбы с правонарушениями. Средства достижения задач уголовного процесса бесспорно должны быть рациональными и экономичными, способными обеспечить оптимальный результат при минимальной затрате сил органов, ведущих производство по уголовному делу. Экономичность – не само цель, а способ получения наилучших результатов в достижении указанных целей, при затрате наименьшей энергии, если это не противоречит принципам уголовного процесса [1, с. 33].

Основным критерием эффективности любого уголовно-процессуального института является достижение наиболее рациональным способом поставленных перед ним задач при неуклонном соблюдении законности с минимальными затратами времени, человеческой энергии, материальных средств. Безусловно, достичь этого весьма не просто. Требуется комплекс мер организационно-правового характера, которые не всегда соответствуют традиционным представлениям об уголовном процессе, в части борьбы с преступностью.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы должна обеспечить соразмерность затрат для достижения требуемого результата [4, с. 18–19]. Поэтому современные государства, стремящиеся к оптимизации расходов и экономии средств, сочли целесообразным дифференцировать в своем законодательстве процессуальную форму уголовного судопроизводства. Отечественный законодатель также делает определенные шаги в этом направлении, поскольку достижение социально обоснованных целей уголовно-правовой политики может

быть осуществлено лишь в условиях действия процессуальной формы, отличающейся значительной гибкостью.

Для обоснованной дифференциации процессуальной формы и появления альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов необходимо определить систему соответствующих критериев или оснований дифференциации. По мнению Шпакова В.В. под критериями дифференциации понимают основания разграничения различных видов производств, такие характеристики, свойства отдельных категорий преступлений (или конкретных дел), от которых зависит или должно зависеть решение вопроса о том, какое именно производство должно быть использовано в данном случае: обычное производство, производство с более сложными процессуальными формами либо достигающее своих задач в упрощенном виде, публичное производство или производство, характеризующееся большей свободой потерпевшего или обвиняемого. В общем виде мнения процессуалистов относительно оснований дифференциации можно изложить следующим образом. Большинство исследователей в числе критериев называют общественную опасность преступления и сложность установления истины по делу [5, с. 251–253]. Мы солидаризируемся с данным утверждением. Существует развернутая система критериев дифференциации на материальные и процессуальные. Остановимся на этом несколько подробнее. Согласно утверждению Шпака В.В. материальные основания дифференциации включают вид и размер наказания, которое может быть применено к лицу, совершившему данное деяние, и степень общественной опасности этого лица. В литературе отмечается, что разнообразные уголовно-правовые классификации преступлений могут быть использованы для дифференциации форм расследования и разрешения уголовно-правовых конфликтов [6, с. 53]. В зарубежной теории уголовного права существуют различные точки зрения по поводу системы и оснований классификации преступлений, основанные на содержании правонарушений и их наказуемости, которые определяют материальный критерий дифференциации уголовно-процессуальной формы.

В отечественном законодательстве не привилось известное континентальному праву трехчленное деление уголовно-наказуемых деяний на преступления, проступки и правонарушения (франц. – *crimes, delicts, contravention*; нем. – *Verbrechen, Vergehen, Ubertretungen* [7]). И если белорусский законодатель не разделяет преступления на две или три группы, то это не устраняет различий между теми или иными категориями преступлений. Не проводя такой классификации, в ст. 12 УК выделяются, с одной стороны, тяжкие и особо тяжкие преступления, а с другой – менее тяжкие преступления и преступления, не представляющие большой общественной опасности. Важно понимать, что классификации преступлений по степени общественной опасности придается не только уголовно-правовое, но и процессуальное значение.

Материальные основания дифференциации уголовного процесса для применения того или иного вида производства в различных странах варьируются: приводится перечень уголовно-наказуемых деяний, выделяются их категории, либо устанавливается предельный размер санкции [5, с. 253].

Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь (ст. 12 УК) предусматривает четырехчленную классификацию преступлений исходя из степени их общественной опасности, которая изначально и должна являться основой для дифференциации процессуальной формы. В теоретическом плане условием для такой дифференциации, в т. ч. и появления альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, должно являться соблюдение определенного соотношения между предусмотренным законом видом и размером наказания и оптимальной совокупностью гарантий, обеспечивающих достижение задач уголовного процесса. Процессуальные основания дифференциации. Степень сложности установления обстоятельств уголовного дела как процессуальное основание дифференциации не всегда связана с общественной опасностью преступления. При этом речь идет не о сложности конкретного дела, а о свойствах, объективно присущих данной категории преступлений. Здесь следует исходить из того, могут ли процессуальные средства доказывания, установленные для данной формы расследования или судебного разбирательства определенной категории преступлений, обеспечить решение задач, стоящих перед уголовным процессом. Таким образом, данный процессуальный критерий дифференциации можно сформулировать как отсутствие у определенной категории преступлений признаков, позволяющих отнести ее к числу сложных для расследования и решения.

В качестве другого процессуального критерия дифференциации уголовно-процессуальной формы выделяют личность правонарушителя, наличие у обвиняемого и потерпевшего особых качеств, а также интересы лица, пострадавшего от преступления, и лица, совершившего это общественно опасное деяние [3, с. 30–31]. В наибольшей степени интересы этих лиц учитываются по делам частного обвинения, которые имеют особую процессуальную форму. Однако все чаще звучат высказывания о том, что в уголовном процессе необходимо шире учитывать личные интересы его основных участников, применять альтернативные процессуальные формы только при согласии или отсутствии на то возражений лица, совершившего преступление, и лица, которому преступлением причинен ущерб. Специалисты полагают, что пределы действия частного начала в уголовном процессе и использование согласительных процедур будут расширяться [8, с. 44]. Данный довод может вызвать неоднозначное толкование. На сегодняшний день в УПК Республики Беларусь принцип публичности уголовного процесса и норма об обязанности осуществления уголовного преследования имеет приоритетное значение. Для того, чтобы частные начала в уголовном процессе действительно находили практическую реализацию необходимо переосмыслить ряд документальных положений, особенно тех, которые относятся к задачам уголовного процесса в части защиты личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства от преступных посягательств.

Поскольку любой гражданин имеет возможность самостоятельно распоряжаться своими правами в установленных законом рамках, в процессуальной литературе обоснованно предлагается и при решении вопроса об уголовной ответственности за нарушение данных прав и свобод исходить из мнения лица, чьи

права были нарушены. Быстрое и эффективное восстановление нарушенного права и заглаживание причиненного этим нарушением вреда является более желательным для потерпевшего, чем назначение нарушителю уголовного наказания [9, с. 88].

Принцип целесообразности (дискреционности) возбуждения уголовного преследования. В уголовно-процессуальной науке выделяют два принципа, на основе которых может быть построено уголовное преследование. Это принцип законности, который означает обязанность компетентного лица возбуждать уголовное преследование по каждому совершённом и подлежащему наказанию противоправному деянию независимо от соображений о тех или других затруднениях или неудобствах, могущих быть результатом возбуждения преследования. Другим принципом является так называемый принцип целесообразности, в соответствии с которым компетентному лицу предоставляется в каждом конкретном случае решить, находит ли он необходимым возбудить уголовное преследование или полагает более уместным от него воздержаться.

Действие принципа целесообразности выражается в том, что полиция или прокурор при поступлении сообщения о совершенном преступлении может применить иные, альтернативные формы его разрешения (правового конфликта) и в случае успеха их применения вообще не возбуждать уголовное дело либо не направлять его в суд. В отечественном уголовном процессе данный принцип не закреплен, а определяющим является принцип законности: при наличии предусмотренных УПК поводов и оснований уполномоченное лицо обязано возбудить уголовное дело. Таким образом, законность предполагает только один вариант поведения уполномоченного лица, а не выбор иных способов разрешения возникшего уголовно-правового конфликта.

Во многих государствах уголовное преследование строится в значительной степени на принципе целесообразности, который является более распространенным, нежели принцип законности. Применение принципа целесообразности ведет к использованию так называемых «альтернативных мер» или «мер компромисса в борьбе с преступностью» [10, с. 147]. На начале целесообразности возбуждения уголовного преследования построено уголовное судопроизводство англосаксонских стран, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Исландии, Дании, Норвегии, Японии и др.

Сущность принципа целесообразности состоит в том, что в силу конкретных обстоятельств уголовного дела компетентные должностные лица в установленных законом рамках производят такие действия и принимают такие решения, которые обеспечивают наиболее эффективное достижение задач уголовного процесса. Именно направленность дискреционного решения на эффективное достижение целей уголовного судопроизводства и характеризует его сущность. Использование принципа целесообразности (дискреционности) в уголовно-процессуальной деятельности дает возможность применять новые, более действенные формы реагирования на совершённые преступления, позволяющие эффективно решать задачи и достигать цели, стоящие перед уголовным процессом.

В уголовном процессе в соответствии с принципом законности в первую очередь решается вопрос об уголовной ответственности обвиняемого и заодно с этим вопрос о возмещении причиненного преступлением вреда. При альтернативных способах, основанных на принципе целесообразности, наоборот, в зависимости от решения вопроса о возмещении причиненного преступлением вреда решается вопрос об ответственности обвиняемого. В связи с этим использование альтернативных процедур в уголовном процессе способствует более эффективному восстановлению прав потерпевшего, уменьшает травмирующее воздействие уголовно-правовой системы на участников судопроизводства и является предпосылкой как быстрого разрешения уголовно-правового конфликта, так и обеспечения возмещения причиненного им вреда. Таким образом, основания применения упрощенных (альтернативных) производств должны также учитывать как интересы обвиняемого, так и потерпевшего [12, с. 15].

Для применения альтернативных способов разрешения: уголовно-правового конфликта важное значение имеет и определение круга лиц, в отношении которых это может считаться разумным и допустимым. Так, лицо, совершившее преступление впервые, еще не обладает «криминальным» опытом и не имеет устойчивого негативного отношения к законопослушному образу жизни. А это значит, что применять к нему меры уголовной репрессии, вовлекая в криминальную среду, без особой необходимости смысла нет, так как еще остается шанс сохранить его в качестве полезного члена общества посредством применения альтернативных мер воздействия [11, с. 89].

Разрешение уголовно-правового конфликта должно включать не только возмещение вреда потерпевшему, восстановление его нормальной жизнедеятельности, но и ресоциализацию правонарушителя для предотвращения повторного совершения им преступления. Достижение этих целей невозможно без определенных прежде всего психологических изменений в системе традиционного уголовного судопроизводства, поскольку развитие общества ставит под сомнение многие привычные для отечественных процессуалистов постулаты, что нельзя отнести к негативным обстоятельствам. Поэтому законодатель ищет новые способы реагирования на преступление, стремясь преодолеть недостатки традиционных вариантов уголовного преследования и наказания.

Не следует воспринимать применение альтернативных механизмов как некое прощение преступника или бессилие уголовной юстиции. Речь идет о специальных инструментах реализации публично-правовой задачи уголовного судопроизводства, связанной с созданием максимально благоприятных и по возможности лишенных признаков вторичной виктимизации условий для быстрого и полного возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением [11, с. 240].

Необходимость дифференцированного построения уголовного процесса обуславливает появление иных процедур разрешения уголовно-правовых конфликтов. Это в свою очередь свидетельствует о складывающейся системе восстановительного правосудия, как альтернативной модели построения уголовного судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Зайцева Л.Л. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.]; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. – Минск: изд. центр БГУ, 2015. – С. 14–30.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. С. 137.
3. Данилевич А.А., Шпак В.В. Ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск: БГУ, 2007. С.13–14.
4. Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук:12.00.09. М., 2014. С. 18–19.
5. Шпак В.В. Проблемы и критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск: БГУ, 2002. Вып. 13 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. С. 251–253.
6. Качур А.Н. Дифференциация форм досудебного производства и предания суду в уголовном процессе России. М.: Спутник+, 2004. С. 53.
7. В настоящий момент в уголовном праве Австрии и Германии отсутствуют *Ubertretungen*, так как в ходе реформы они были либо декриминализированы, либо переведены в разряд проступков или административных правонарушений (*Ordnungswidrigkeiten*).
8. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 44.
9. Апостолова Н. Н. Применение медиации (посредничества) в России. Ростов н/Д, 2014. С. 88.
10. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. С. 147.
11. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 27–28.
12. Кищенко А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владивосток, 2010. С. 15.

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

О.В. Стасюкевич,

*аспирант кафедры конституционного и административного права Академии
управления при Президенте Республики Беларусь*

Надзор за соблюдением законности при привлечении физических и юридических лиц к административной ответственности является одним из важнейших направлений реализации правозащитной функции органов прокуратуры. В соответствии со ст. 125 Конституции Республики Беларусь прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону решений по делам об административных